

РУССКАЯ РЕЧЬ С ТЮРКСКИМИ (УЗБЕКСКИМИ) ЯЗЫКО-РЕЧЕВЫМИ ВКРАПЛЕНИЯМИ

© Маханбет Джусупов

RUSSIAN SPEECH WITH TURKIC (UZBEK) WORDS

Mahanbet Dzhusupov

The article deals with the issues of functioning of the modern Russian literary language in close contact with the Uzbek language, and analyzes the units of the Uzbek language found in the Russian speech of Uzbekistan citizens. The article concludes that there exists no regional literary language of Russian in Uzbekistan; all Turkic (Uzbek) language units used in Russian speech are totally adapted to the norms of the modern Russian literary language, and this phenomenon is also typical of the usage of the Russian language in Kazakhstan, Kyrgyzstan, etc. The speech of Russian-speaking citizens in Uzbekistan contains Uzbek language units of high frequency, which are easily perceived and easily articulated by Russian-speaking citizens of Uzbekistan. As a rule, these are geographical and informal, spoken lexical units. These Uzbek units in the Russian speech are frequently marked with different stylistic connotations compared to the native Uzbek speech. Based on these units of the Uzbek language, new words are formed, which are characteristic of the Russian speech of Russian-speaking citizens in Uzbekistan, however, they are not characteristic of the Uzbek speech of Uzbekofons.

Keywords: language contacts, Russian speech, Uzbek language units, lexis, derivation, morphology.

В статье рассматривается проблема функционирования современного русского языка в условиях контактирования с узбекским языком; анализируются языковые единицы узбекского языка в русской речи узбекистанцев; делается вывод о том, что в Узбекистане русский язык не имеет регионального литературного варианта; тюркские (узбекские) языковые единицы, используемые в русской речи, адаптируются под нормы современного русского литературного языка. Такое явление характерно и для функционирования русского языка в Казахстане, Кыргызстане и т. д. Русская речь русскоязычных узбекистанцев вбирает в себя языковые единицы, которые высокочастотны в узбекской речи, поэтому перцептивно быстро воспринимаются и артикуляционно легко реализуются в русском речевом потоке русскоязычных узбекистанцев. Это, как правило, лексика географическая, разговорно-обиходная. Использование узбекских языковых единиц в русской речи узбекистанцев сопровождается словообразовательной, морфологической и синтаксической адаптацией. Эти языковые единицы узбекского языка в русской речи нередко маркируются другой стилистической окраской, в сравнении с их стилистической маркированностью в исконной узбекской речи. На основе этих узбекских языковых единиц образуются новые слова, характерные для русской речи русскоязычных узбекистанцев, но нехарактерные для узбекской речи узбекофонов.

Ключевые слова: контактирование языков, русская речь, узбекские языковые единицы, лексика, словообразование, морфология.

Введение

Взаимодействие и взаимовлияние языков и культур обогащают эти языки и национальные культуры. При этом влияние может быть: 1) двусторонним, когда обе стороны (языки и культуры: русская и тюркская) одновременно являются и реципиентом, и донором; 2) односторонним, когда одна сторона (например, русская) является донором, а другая сторона (например, тюркская) – реципиентом.

Двустороннее взаимодействие и взаимовлияние русского и тюркских языков мы наблюдаем

во всех тюркоязычных республиках СНГ. Такое взаимовлияние языков реализуется прежде всего в живой речи как на тюркских языках (казахском, узбекском, кыргызском, ...), так и на русском языке.

Русская речь в Узбекистане по своим нормам такая же, как и в Москве или в Новосибирске. Она не имеет литературных вариантов, как, например, английский язык [Джусупов, 2012, с. 16–29]. На всем географическом пространстве своего распространения русская речь характеризуется едиными фонетическими, лексическими,

семантическими, морфологическими, синтаксическими, стилистическими нормами, что определяет современный русский литературный язык как основное средство общения русского народа и как язык, выполняющий в большом объеме функции языка межнационального общения.

В настоящее время идет серьезная дискуссия о том, каким является русский язык за пределами России в условиях контактирования с другими языками, и прежде всего с тюркскими языками (Казахстан, Узбекистан и Каракалпакстан, Кыргызстан, Туркменистан и на Кавказе Азербайджан). Одни (Е. А. Журавлева) определяют его как полинациональный язык [Журавлева, с. 3–4], что в целом является правильным определением, так как такое терминологическое маркирование социальных функций русского языка в инофонной среде отражает социолингвистическую реальность. Другие (Е. Д. Сулейменова) считают, что в условиях Центральной Азии (например, в Казахстане) зарождается новый литературный вариант русского языка [Сулейменова]. Третьи (В. Н. Белоусов) говорят о специфике неисконной русской речи [Белоусов, с.109–115]. Четвертые (А. Н. Рудяков) определяют это положение русского языка как георусистику и функциональную русистику [Рудяков] и т. д.

Мы рассматриваем участие русского языка в процессе контактирования с другими языками как обязательную реализацию его в строгих литературных нормах [Джусупов, 2013, с. 16–29], а недочеты в русской речи инофонов рассматриваем как интерференцию, которая со временем, в процессе длительного употребления русского языка, исчезнет, так как любая межъязыковая и внутриязыковая интерференция – это приходящее и уходящее явление [См.: Джусупов, 1991, с. 147–175].

Русский язык в Узбекистане – это литературный русский язык, выполняющий (после государственного – узбекского языка) свои образовательные (в школе и в вузе), межнациональные (средство межнационального общения), научные и другие функции, то есть русский язык в жизни узбекистанцев выполняет полисоциальные функции [Джусупов, 2013, с. 16–29]; [Ата-Мирзаев, с. 59–61].

В условиях контактирования языков осуществляется процесс заимствования. Одни из заимствований уже стали достоянием языка-реципиента, другие являются фактом сегодняшнего дня, а их будущую жизнь в языке, в который они вошли, покажет время.

Вкрапления языковых единиц из одного языка в другой в условиях Узбекистана (как и в других странах СНГ) имеют двусторонний характер:

русские заимствования в узбекском языке; тюркские (узбекские) заимствования в русском языке. Первое доминирует. Второе характеризуется меньшим объемом.

Ниже мы продемонстрируем тюркские (узбекские) языко-речевые элементы в русской речи узбекистанцев (как генетических носителей русского языка, так и русскоязычных инофонов: и узбекско-русских, и русско-узбекских билингвов).

Русская речь с узбекскими лексическими вкраплениями

I. - *Покушаем...*

- *Да, давай самсу... . Самсу так самсу.*

Слово *самса* – это название блюда типа пирожков, но не жаренных в масле, а испеченных в жарком тандыре (в специальной печи) на горящих углях или в газовой духовке. Самса бывает с мясом, курдючным жиром, луком; с курдючным жиром, картошкой, луком; с курдючным жиром, тыквой, луком.

II. – *Поехали...*

– *Хоп...*

– *Куда?*

– *На Чор-су.*

– *Хоп, согласен.*

Узбекское многозначное слово *хоп* в данном диалогическом контексте означает «ладно, согласен». У слова *Чор-су* первая часть (Чор) персидского происхождения, что означает «четыре»; вторая часть слова (су) – тюркского происхождения, означает «вода». *Чор-су* – название городского квартала в старом городе Ташкента.

Итак, вкрапление в русскую речь тюркских (узбекских) лексических единиц в Ташкенте обычное явление. Эти лексические вкрапления не нарушают структуру и семантику русского предложения и в целом высказывания. Они придают речи особый региональный колорит, усиливают информативную и волюнтаривную функцию высказывания.

С позиции русского или русскоязычного индивида и социума в условиях тюркского мира Центральной Азии такая ситуативная русская речь является нормальной, так как она соответствует нормам современного русского литературного языка. С позиции же русскоговорящего индивида и социума России (Москвы, Рязани, Тулы и т. д.) такая русская речь кажется странной, то есть для них такая русская речь – это вольница варваризмов.

Словообразовательный аспект узбекского лексического материала в русской речи

I. - *Бери самсушку...*

- Беру..., она горячая.

Лексема *самсушка* образована от слова *самса* присоединением русского суффикса, который придает слову уменьшительно-ласкательное значение, как в русских словах типа *поле* – *полюшко*, *дед* – *дедушка*, *тетя* – *тетушка*. Кроме того, в форме *самсушка* русский словообразовательный суффикс стал усиливать значение единичности каждой самсы как блюда.

II. - *Кызымка, почему?*

- *Сто сумов.*

Кызымка образовано от общетюркского слова *кыз* – ‘девушка, девушка’. *Кыз+ым* – ‘моя девушка (дочь)’. (По правилам узбекской орфографии эти слова пишутся через <и>: *киз*, *кизим*).

Кызым+к+а – образовано посредством суффикса русского языка и окончания женского рода. Форма *кызымка* употребляется русскими и русскоязычными. Сами узбеки или казахи, или каракалпаки и т. д. это слово в форме *кызымка* не употребляют, так как она образована не по нормам тюркских языков. Словоформа *кызымка* употребляется в русской речи русских и русскоязычных жителей Узбекистана, хотя само слово *кыз* является общетюркским.

В русской речи словоформа *кызымка* приобретает дополнительное значение уменьшительности со стилистическим оттенком разговорности. В зависимости от интонации и ситуации речи это слово в русской речи может приобретать и другие стилистические оттенки: а) уважительности, ласкательности; б) снисходительности, пренебрежительности, уничижительности.

III.- *Ма, кто там?*

- *Да, какая-то кишлачница.*

- *Кто?*

- *Да, кишлачка.*

Слово *қишлоқ* в узбекском языке означает узбекский сельский населенный пункт, то есть деревню. *Кишлачница* – досл.: ‘жительница кишлака’. Но в региональной русской речи это слово приобретает такое же стилистически сниженное значение, как в русском языке, когда слова *деревня*, *деревенщина* в речи городских жителей используется с оттенком насмешливости, уничижительности по отношению к жителям деревни, приехавшим в город.

Слово *кишлачка* – то же самое, то есть означает жительницу кишлака и также несет в себе отрицательное, уничижительное значение. По аналогии образовано и слово *кишлачник*, обозначающее жителя кишлака мужского пола и имеющее такое же уничижительное значение.

В зависимости от контекста, от интонации речи слова *кишлачница* и *кишлачник* могут иметь

и положительную семантико-стилистическую окраску.

Отрицательное значение в этих словах, образованных посредством суффиксов русского языка на основе узбекского слова, на наш взгляд, появилось как под влиянием русского языка, так и узбекского:

1) слово *кишлак* в русском языке – это деревня. Словами *деревня*, *деревенщина* в русском языке «обзывают» неотесанных горожан, жителей деревни, теряющихся в условиях города. Именно это переносное значение русских слов *деревня* и *деревенщина* перенесено на слова *кишлачник*, *кишлачка*, *кишлачница*;

2) в узбекском языке словами *қишлоқ* (деревня), *қишлоқи* (деревенский) «обзывают» неотесанных городских жителей, людей, недавно переселившихся из кишлака в город, то есть человека, у которого еще полностью не сформирован городской лоск; неопытного, в той или иной степени растяпу, слишком доверчивого. Новообразованные региональные русские слова *кишлачник*, *кишлачница*, *кишлачка* характеризуются такими же переносными значениями, которые свойственны словам узбекского языка *қишлоқ*, *қишлоқи*.

IV. – *Ты будешь лагманчик или пловешник?*

– *Я, маставушку.*

Слово *лагман* (узб. лагмон) китайского происхождения, блюдо из растянутого тонкого теста (типа лапши), но устойчивого при кипении в котле, то есть неразваривающееся, подают с овощной и мясной подливой. *Лагманчик* – уменьшительно-ласкательное название этого блюда в русскоязычной речи определенной части узбекистанцев.

Плов (узб. палов) – слово, заимствованное из фарси, национальное блюдо не только узбеков, но и таджиков, каракалпаков, казахов и т. д. К плову отношение особое: торжественное, уважительное как в обычной семейной обстановке, так и на торжествах, банкетах и т. п. Поэтому, как правило, по отношению к плову в русской речи используется суффикс, указывающий на его особенную национальную колоритность, то есть *пловешник*, а не *пловчик*.

Конечно же, слово *лагман* в русской речи можно произнести и с другим (увеличительным) суффиксом – *лагманище*. Но от этого лагман как блюдо не может занять место плова (пловешника) в иерархии узбекских национальных блюд. То же самое наблюдается, когда в русской речи слово *плов* используют, произнося с уменьшительно-ласкательным суффиксом – *пловчик*. От этого его особенная национальная колоритность не снижается, это ситуативное использование,

которое обозначает умиление, большое желание есть плов.

Все эти варианты новообразований на основе слов *плов*, *лагман* полностью соблюдают нормы словообразования русского языка. При этом учитывается исконно национальное (узбекское) отношение к этим блюдам: иерархическая значимость, социальный фактор преимущественного использования их в тех или иных общественных (торжественных и др.) мероприятиях.

Слово *мастава* заимствовано из фарси. Это блюдо – рисовый суп с овощами, мясом и катыком (кефиром). Форма слова *маставушка* образована также с соблюдением всех норм русского словообразования. *Мастава*, в отличие от *плова* и *лагмана*, является суповым блюдом и не является атрибутом торжественных застолий. Именно поэтому русскоязычный индивид и социум в узбекфонной среде может сказать *маставушка* (а не *маставище*), подчеркивая его обычность, рядовой характер среди национальных блюд. К тому же в слове *маставушка* наблюдается стилистический оттенок разговорности, легкой ироничности.

Итак, все словообразовательные модели в русской речи русскоязычных узбекистанцев с вкраплением тюркской лексики являются нормативными моделями современного русского языка. Способы словообразования на основе тюркских слов не характеризуются новыми словообразовательными моделями (суффиксация, префиксация и др.), которые отличались бы от норм русского словообразования. Такие русские новообразования несут в себе те же семантические и стилистические значения, которые свойственны и новообразованиям, созданным на основе русской лексики.

Морфологический аспект узбекского лексического материала в русской речи

1. В узбекском языке слово *учтена* – досл.: ‘три холма’ (*уч* – три; *тена* – холм, возвышенность). В настоящее время этим словом называется один из городских районов Ташкента: *Учтена тумани* (Учтепинский район).

Официальное название района на русском языке (как уже выше было показано) пишется и произносится как Учтепинский район. В узбекском языке слово *учтена* является именем существительным нарицательным, но, оказавшись в названии района, стало именем собственным (*Учтена*).

В русском языке это слово в форме Учтепинский стало именем прилагательным, но как наименование района сохранило свою принадлежность к имени собственному. Оно склоняется и

изменяется по родам и числам: в Учтепинском районе; Учтепинская районная больница; учтепинские розы и т. д.

То же самое наблюдается в русском варианте названия другого района, но уже не города Ташкента, а Ташкентской области: *Киброй тумани* – Кибрайский район. Слово *Кибрай* (Қыбрай) – название казахского рода из большого (или великого) жуза казахов. При русскоязычном устном и письменном оформлении имя существительное *Киброй* превратилось в имя прилагательное – кибрайский. При этом в составе названия района, как имя собственное, пишется с прописной буквы – Кибрайский район. В русском названии же города, районного центра, это слово функционирует как имя существительное: город Кибрай (Киброй шахари).

Таким образом, русская региональная речь с морфологической адаптацией узбекского лексического материала осуществляется по законам русской морфологии.

Заключение

Представленные выше образцы русской речи с элементами узбекского языка как языковые вкрапления не являются характерными только для Узбекистана. Такое явление свойственно и Казахстану (с казахскими языко-речевыми вкраплениями), и Кыргызстану (с кыргызскими языко-речевыми вкраплениями) и т. д. Итак, это явление носит как глобальный региональный (общетюркско-русский или наоборот) характер, так и локальный (конкретный узбекско-русский или наоборот) характер.

Такие региональные особенности русского языка не выходят за рамки норм русского литературного языка. Эти тюркоязычные вкрапления присутствуют в русской речи, полностью адаптируясь правилам и законам русского языка, поэтому они не нарушают единство и обязательность его литературных норм. Идет процесс обогащения русского языка иноязычными (тюркскими) элементами и наоборот, что уже продолжается (такое межъязыковое контактирование) более тысячи лет [Сулейменов]; [Языкознание Большой энциклопедический словарь].

Итак, мы в данной работе попытались показать одну сторону такого глобального явления, как результата взаимодействия и взаимовлияния языков: использование тюркоязычных (в нашем случае узбекских) языковых элементов в современной русской речи русскоязычных узбекистанцев. Данное явление не является абсолютно одинаково распространенным в речи всех русскоязычных граждан республики. Это явление,

хоть и распространенное, но все-таки имеет локализацию и внутри республики, так как определенная часть исконных носителей русского языка не употребляют (стараяются не употреблять) инофонные (узбекские) вкрапления в своей русской речи. Но есть исключения, когда не только слово, но и само понятие нерусское. Активно присутствующие в повседневной жизни региона (например: *самса, шашлык, плов, чайхана, лагман, манты* и т. д.), они употребляются всеми говорящими на русском языке, независимо от их желания или нежелания использовать их в своей русской речи. В русской речи русскоязычных узбекистанцев такие узбекские лексические единицы с русской орфоэпической и грамматической адаптацией встречаются довольно часто, и, как правило, они используются в разговорно-бытовой речевой ситуации, а также в других речевых ситуациях, но реже.

Список литературы

Ата-Мирзаев О. Б. Русский язык в жизни узбекистанцев // Нужен ли русский язык новым независимым государствам. Материалы международной конференции, 29 февраля 2008, Москва. С. 59–61.

Белосов В. Н. Лингвокультурная специфика неисконной русской речи // Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego. Cziowiek. Ёwiadomoћж. Komunikacja. Internet. Redakcja naukowa Ludmila Szypielewicz. Warszawa, 2008, с.109–115.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Глав. ред. В. Н. Ярцева. 2-е (репринтное) издание «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 года. Научное издательство «Большая российская энциклопедия», Москва, 2000, 687 с.

Джусупов М. Современный русский литературный язык: инвариант и вариации / Филологические науки. НДВШ. 2013. № 2. С. 16–29.

Джусупов М. Звуковые системы русского и казахского языков. Слог. Интерференция. Обучение произношению. Ташкент, «Фан», 1991, 240 с.

Джусупов М. К вопросу об официальном и образовательном статусе русского языка в современном мире / Вестник МАПРЯЛ, 2003, № 41, С. 40–44. Москва.

Джусупов М. Тюркофонное пространство СНГ: русский язык с региональными тюркоязычными компонентами // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 2(28). С. 41–44.

Журавлева Е. А. Вариативность лексической системы: русский язык как полинациональный язык: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алматы, 2007, 48 с.

Рудяков А. Н. Георусистика и функциональная русистика // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 2(28). С.103–106

Судейменов О. О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, «Жазушы», 1975, 304 с.

Судейменова Э.Д. К осмыслению вероятности вариантного русского языка в Казахстане // Slavica

Helsingiensia 40. Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Helsinki, 2010. С.252–266.

References

Ата-Мирзаев, О. В. (2008). *Russkij jazyk v zhizni uzbeckistancev* [The Russian Language in Uzbek Life]. *Nuzhen li russkij jazyk novym nezavisimym gosudarstvam* [Do Independent Countries Need the Russian Language]. Материалы mezhdunarodnoj konferencii, 29 fevralja 2008, Moscow. Pp. 59–61. (In Russian)

Belousov, V. N. (2008). *Lingvokul'turnaja specifik neiskonnoj russkoj rechi* [The Linguocultural Specificity of Inophones' Russian Speech]. Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego. Cziowiek. Ёwiadomoћж. Komunikacja. Internet Redakcja naukowa Ludmila Szypielewicz. Pp.109–115. Warszawa. (In Russian)

Dzhusupov M. (1991). *Zvukov yesistemy russkogo i kazahskogo jazykov. Slog. Interferencija. Obuchenie proiznosheniju* [Phonetic Systems of the Russian and the Kazakh Languages.The Syllable.The Interference. Teaching Pronunciation]. 240 p. Tashkent, «Fan». (In Russian)

Dzhusupov, M. (2003). *K voprosu ob oficial'nom i obrazovatel'nom statuse russkogo jazyka v sovremennom mire* [On the Official and Educational Status of the Russian Language in the Modern World]. *Vestnik MAPRJaL*, Moscow, No. 41, pp.40–44. (In Russian)

Dzhusupov, M. (2012). *Turkophonnoe prostranstvo SNG: russkij iazyk s regionalnymi tyurkoyazychnymi komponentami* [Turkic-Speaking Area of CIS: Russian Language with Regional Components]. // *Philologiia i kultura. Philology and Culture* , 2012 No. 2 (28), pp. 41–44.(In Russian)

Dzhusupov, M. (2013). *Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk: invariant i variacii* [The Modern Russian Literary Language: Invariant and Variation]. *Filologicheskie nauki. NDVSh*, 2013, No. 2, pp. 16–29. (In Russian)

Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'. (2000) *Glav.red. V.N. Jarceva. 2-e (reprintnoe) izdanie «Lingvisticheskogo jenciklopedicheskogo slovarja» 1990 goda. Nauchnoe izdatel'stvo «Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija»* [The Big Encyclopedic Dictionary. Linguistics. Edited by V.N. Yarceva. The 2nd edition of the “Linguistic encyclopedic dictionary” of 1990]. Scientific publishing «Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija». 687 p. Moscow. (In Russian)

Rudjakov, A. N. (2012). *Georusistika i funkcional'naja rusistika* [Georusistics and Functional Linguistics] // *Philologiia i kultura. Philology and Culture* . 2012, No. 2 (28), pp. 103–106. (In Russian)

Sulejmenov, O. O. (1975). *Az i Ja. Kniga blagonamerennogo chitatelja* [Az and Ya. The Book of a Well-Intentioned Reader]. 304 p. Alma-Ata, «Zhazushy». (In Russian)

Sulejmenova, E. D. (2010). *K osmysleniju verojatnosti variantnogo russkogo jazyka v Kazahstane* [On Understanding the Probability of the Variational Russian Language in Kazakhstan] // *Slavica Helsingiensia 40. Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches*

to Non-Standard Russian. Helsinki, 2010. Pp. 252–266. (In Russian)

Zhuravleva, E. A. (2007). *Variativnost' leksicheskoy sistemy: russkiy iazyk kak polinacional'nyj iazyk*: avtoref.

dis. ... d-ra filol. nauk [The Variability of the Lexical System: the Russian Language as a Multi-national Language: Doctoral Thesis Abstract]. Almaty, 48p. (In Russian)

The article was submitted on 11.07.2016

Поступила в редакцию 11.07.2016

Джусупов Маханбет,
доктор филологических наук,
профессор,
Узбекский государственный университет
мировых языков,
100138, Узбекистан, Ташкент,
Кичик Халка Йули, 25а.
mah.dzhusupov@mail.ru

Dzhusupov Mahanbet,
Doctor of Philology,
Professor,
Uzbekistan State University
of World Languages,
25a Kichik Xalqa Yuli,
Tashkent, 100138, Uzbekistan.
mah.dzhusupov@mail.ru